

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ЦУМАРОВА

аспирант кафедры политологии и международных отношений факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tsumarova@gmail.com

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Дается анализ политики идентичности в Республике Карелия (РК). В регионах она рассматривается как деятельность региональных акторов по формированию представлений о «мы-сообществе» в административно-территориальных границах. Регион понимается как составная часть национального государства. Выделяются два основных типа региональной идентичности: эксклюзивная и инклюзивная. Эксклюзивная идентичность направлена на противопоставление региона национальному государству. Инклюзивная идентичность предполагает рассмотрение региона как неотъемлемой части государства. Выделены несколько этапов трансформации политики идентичности. Делается вывод о формировании в РК инклюзивной идентичности в связи с низкой долей титульного населения, экономической зависимостью от федерального центра и полицентричным политическим режимом.

Ключевые слова: политика идентичности, Республика Карелия, региональная идентичность

Формирование региональной идентичности является составным элементом российской политической действительности, важным пунктом в политической повестке дня региональных политических элит и гражданского общества. Деятельность региональных акторов по формированию региональной идентичности (то есть представлений о «мы-сообществе») в административно-территориальных границах субъекта Федерации в научной литературе обозначается термином «политика идентичности».

Специфика политики идентичности в регионе обусловлена прежде всего особым статусом последнего как составной части национального государства. Региональные элиты вынуждены заниматься формированием так называемого регионального патриотизма и одновременно демонстрировать принадлежность региона к единому государству. Формируемая региональная идентичность может вступать в конфронтацию с идентичностью общегосударственной в случае, когда культивируется исключительность региона. И, напротив, она может встраиваться в общую систему идентификаций при утверждении региона как составной части государства. Другими словами, в разных контекстах региональные политические элиты могут использовать разные стратегии при формировании политики идентичности. По М. Китингу, политические смыслы региональной идентичности могут варьироваться «от устройства регионального лобби в политике через требования автономии вплоть до полного отделения» [2; 75]. Используя терминологию У. Бека [1; 230–231, 235], можно выделить два типа региональной идентичности, которые могут быть целью политики идентичности. Первый тип – эксклюзивная идентичность – строится на противопоставлении регио-

нальной и общегосударственной идентичности, для нее характерно исключение регионального «мы-сообщества» из границ «мы-сообщества» национального государства. Региональные элиты в данном случае заинтересованы в обретении максимальной автономии либо полного суверенитета и могут вступать в открытую конфронтацию с центральным правительством. Они могут придерживаться и противоположной стратегии в формировании политики идентичности, которую можно обозначить как инклюзивную. В данном случае политика идентичности в регионе направлена скорее на гармонизацию региональной и общегосударственной идентичности. Регион воспринимается как неотъемлемая часть государства, и содержание политики идентичности направлено, с одной стороны, на формирование регионального «мы-сообщества», а с другой – на встраивание его в сообщество более крупного масштаба (национального государства). Формирование инклюзивной идентичности может быть частью рациональной стратегии региональных акторов, для которых принадлежность к единому государству несет больше выгод, чем возможная независимость.

Среди факторов, определяющих выбор той или иной стратегии, можно выделить долю титульного населения, статус региона, географическое положение, экономические характеристики региона, а также характер политического режима. Анализ исследовательской литературы позволил выявить, что эксклюзивная идентичность в большей степени характерна для республик с доминирующим титульным населением, географически удаленных от центра, экономически сильных, моноцентричных регионов. Тогда как инклюзивная идентичность чаще всего формируется в регионах (экономически зависимых от

центра) с доминирующим русским населением и полицентричным политическим режимом.

Политика идентичности в РК может быть разделена на три основных этапа. Первый этап начался с момента принятия Декларации о государственной независимости РК 9 августа 1990 года и продлился до весны 1998 года, когда В. Степанов проиграл выборы на должность Председателя Правительства РК. Этот период можно охарактеризовать как время институционального оформления политического сообщества в республике и конкуренции между стратегиями политики идентичности. Основное внимание политических акторов было направлено на определение основных правил игры как внутри региона, так и во взаимоотношениях республики с федеральным центром. Одновременно был начат процесс символического оформления политического сообщества, связанный с разработкой и принятием официальной символики [7]. Окончательный выбор символов ознаменовал утверждение стратегии инклюзивной идентичности, поскольку символика была направлена на демонстрацию принадлежности РК к Российскому государству.

Второй этап политики идентичности относится к периоду нахождения у власти С. Катанандова (1998–2010). В это время был учрежден День Республики – важный элемент ритуализации принадлежности к сообществу, который задал доминирующие рамки интерпретации истории Карелии как части России. День Республики преследует две важные цели: он направлен внутрь сообщества с целью объединения всех жителей республики и формирования чувства гордости за Карелию, а также становится частью имиджевой программы, направленной вовне. Главной задачей в этом случае является продвижение РК в общероссийском и даже международном пространстве. Несмотря на то, что предвыборная программа С. Катанандова в 1998 году включала в себя идею опоры на собственные силы, РК не стремилась дистанцироваться от российского государства. Напротив, С. Катанандов всегда демонстрировал лояльность и поддержку всем инициативам федерального центра, даже тем, которые значительно сокращали возможности региональных лидеров [6]. Тем не менее после отмены прямых губернаторских выборов в середине 2000-х годов активность в проведении политики идентичности значительно снизилась.

Наконец, третий этап связан с приходом к власти назначенных руководителей региона: А. Нелидова в 2010 году и А. Худилайна в 2012 году. С одной стороны, в это время в публичном дискурсе вновь появилась идея об уникальности Карелии как части финно-угорского мира (см.: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0818_18.html), что, однако, не означало возрождения стратегии формирования эксклюзивной идентичности. Обращение

к национальным особенностям республики использовалось главой региона в качестве своего ресурса для поиска поддержки внутри региона. С другой стороны, политические элиты продолжали подчеркивать принадлежность республики к России, к ее многонациональному народу. Это подтверждается, в частности, в процессе разработки программы празднования 100-летия Карелии в 2020 году «Моя Карелия – Моя Россия» (см.: http://gov.karelia.ru/gov/News/2013/10/1011_09.html?print=).

Специфика формирования представлений о «мы-сообществе» в РК заключается в том, что в республике не было основы для создания доминирующего регионального мифа, то есть разделяемого всего представления о республике [5; 114]. В публичном пространстве региона не существует единой версии образа «мы-сообщества». Тем не менее политические акторы постоянно возвращаются к идее о необходимости формирования образа региона как для консолидации населения внутри республики, так и для позиционирования Карелии в российском и международном пространстве: «Крайне важно определить для себя: какая Карелия нам нужна? Какой мы хотим ее видеть?.. Будет ли это Карелия промышленная, заводская? Или Карелия как центр здоровья, лечения, сосредоточения силы? А может, Карелия как центр духовности? Пока на эти вопросы ясных ответов нет» [4].

Формируя представления о «мы-сообществе», политические элиты республики опираются на существующие особенности региона, которые не зависят от деятельности органов государственной власти. В частности, образ региона включает в себя указания на природные, географические характеристики Карелии, которые воспринимаются в качестве важного достояния, бренда республики. Кроме этого, большое внимание уделяется экономическим, культурным и символическим особенностям Карелии. При этом особое место в политике идентичности занимает артикуляция уникальной финно-угорской культуры и одновременно древних традиций православия. Образ «мы-сообщества» во многом конструируется также на основе обращения к жителям территории, которые наделяются особыми качествами. При этом доминирующим критерием принадлежности к сообществу оказывается проживание на территории республики, а не этнические, языковые, религиозные и другие характеристики человека. Процесс формирования представлений о «мы-сообществе» направлен не только на демонстрацию уникальности республики, но и на артикуляцию тесной связи Карелии с Россией. Карелия рассматривается как один из самобытных регионов, которые составляют Россию [3].

Анализ политики идентичности в РК свидетельствует о формировании в регионе инклюзив-

ной идентичности. Дискурс об эксклюзивности, хотя и присутствует в публичном пространстве, занимает маргинальное положение. Среди факторов, обусловивших выбор инклюзивной идентичности, можно отметить низкую долю титульного населения, экономическую зависимость от федерального центра, а также отсутствие доминирующего актора. Необходимость привлечения дополнительных средств привела к утверждению гибких границ сообщества, которые позволили встраивать его в сообщества более крупного масштаба. Приграничное положение Карелии, которое могло бы способствовать формированию эксклюзивной идентичности, в целом способствовало развитию международных связей, которые рассматривались как в качестве возможности решения экономических

проблем, так и утверждения особого положения республики в составе России. Доминирование русских в этнической структуре населения, наряду с экономической зависимостью, не позволило политическим элитам региона вести активный торг с федеральным центром за дополнительные полномочия, что было характерно для большинства других национальных республик России. При этом статус Карелии как национальной республики позволил получить определенные преимущества по сравнению с административно-территориальными образованиями. Актуализация этнического своеобразия республики в 1990-е годы была связана с процессом разработки официальной символики, а в 2010-е – с необходимостью поиска поддержки со стороны назначенных губернаторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. 304 с.
2. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67–116.
3. Мы очень любим свой город // Курьер Карелии. 2003. 19 июня.
4. Новая страничка в имидже Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0812_11.html
5. Ноженко М., Белокурова Е. Северо-Запад России: регион или регионы? СПб.: НОРМА, 2010. 164 с.
6. С. Катанандов одобряет предложения президента РФ по укреплению власти, высказанные на расширенном совещании правительства страны [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gov.karelia.ru/gov/News/2004/09/0914_08.html
7. Цумарова Е. Символизация пространства как инструмент политики идентичности в регионе (на примере Республики Карелия) // «Город невест?» Брендинг территорий и региональные идентичности: Материалы всероссийской научной конференции (Иваново, 12–13 сентября 2013 года). Иваново: Изд-во ИвГУ, 2013. С. 102–104.

Tsumarova E. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

IDENTITY POLICY IN REPUBLIC OF KARELIA

The policy of identity adopted by the Republic of Karelia is analyzed. The policy of identity pursued by the regions is understood as actions of political elite aimed at shaping the “we-community” perception within administrative-territorial boundaries. Regions are defined as integral constituents of the national state. There are two distinguished types of regional identity normally adopted by the regions: exclusive one and inclusive one. The exclusive type of the policy of identity focuses on the region’s opposition to the national state. The inclusive type of the policy of identity involves consideration of the region as an integral part of the state. Analysis of the policy of identity introduced in the Republic of Karelia helped to distinguish several transformation stages of its development. An inclusive type of the policy of identity is adopted by the Republic of Karelia. The choice is conditioned by the low level of indigenous population, economic dependence upon the Federal centre, and polycentric regime.

Key words: identity politics, Republic of Karelia, regional identity

REFERENCES

1. Bek U. *Chto takoe globalizatsiya?* [What is globalization?]. Moscow, 2001. 304 p.
2. Keating M. The new regionalism of Western Europe [Novyy regionalizm v Zapadnoy Evrope]. *Logos* [Logos]. 2003. № 6. P. 67–116.
3. We love our city very much [My ochen’ lyubim svoy gorod]. *Kur’er Karelii* [Courier Karelia]. 2003. 19 June.
4. *Novaya stranichka v imidzhe Karelii* [New page in the image of Karelia]. Available at: http://gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0812_11.html
5. Nozhenko M., Belokurova E. *Severo-Zapad Rossii: region ili regiony?* [North-Western Russia: region or regions?]. St. Petersburg: NORMA Publ., 2010. 164 p.
6. S. Katanandov odobryaet predlozheniya prezidenta RF po ukrepleniyu vlasti, vyskazannye na rasshirennom soveshchanii pravitel’sva strany [S. Katanandov agree with the president’s proposals for strengthening the power vertical expressed at government meeting]. Available at: http://gov.karelia.ru/gov/News/2004/09/0914_08.html
7. Tsumarova E. Symbolization of space as an instrument of identity politics in the region (case of the Republic of Karelia) [Simvolizatsiya prostranstva kak instrument politiki identichnosti v regione (na primere Respubliki Karelia)]. “*Gorod nevest?*” *Brending territori i regional’nye identichnosti: Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Ivanovo, 12–13 sentyabrya 2013 goda)* [“City of brides?” Branding territories and regional identities: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Ivanovo, 12–13 September 2013)]. Ivanovo: IvGU Publ., 2013. P. 102–104.

Поступила в редакцию 24.01.2014